
УДК 82. (470. 621)

ББК 83.3 (2=Ады)

М 34

Матыжева А.К.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: susi@inbox.ru

**Духовно-нравственное содержание «малой» прозы
на современную тему в адыгейской литературе 1980-2000-х годов
(Рецензирована)**

Аннотация:

В статье исследуются эстетические особенности «малой» прозы на современную тему в адыгейской литературе 1980-2000-х годов. В ходе литературоведческого анализа раскрываются способы художественной реализации современной темы и создания многогранных характеров персонажей. В итоге исследования определяются духовно-эстетические направления и жанрово-структурные предпочтения современной адыгейской прозы. В результате автор приходит к заключению о том, что адыгейская литература поднимается на качественно новую ступень своего развития.

Ключевые слова:

Лирика, структурно-стилевые начала, автобиографизм, духовно-эстетические направления, авангардистские традиции, постмодернистские тенденции.

Matyzheva A.K.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Literature and Journalism Department of Adyghe State University, e-mail: susi@inbox.ru

**The spiritually-moral contents of «small» prose on a modern theme
in the Adyghe literature of the 1980-2000s.**

Abstract:

The paper examines esthetic features of «small» prose on a modern theme in the Adyghe literature of the 1980-2000s. In the course of the philological analysis ways of artistic realization of a modern theme and creation of many-sided characters of personages are revealed. As a result of research spiritually-esthetic directions and genre-structural preferences of Adyghe modern prose are defined. The author comes to a conclusion that the Adyghe literature ascends to a qualitatively new level of the development.

Keywords:

Lyrics, the structural-style bases, autobiographies, spiritual-esthetic directions, avant-garde traditions, postmodernist tendencies.

Началом нового этапа развития адыгейской литературы можно считать 60 - 70-е годы XX века, когда складывалась уникальная для адыгейской прозы лирическая манера Х. Ашинова, К. Жанэ. Высокая этическая норма искала художественной реализации в дальнейшем становлении традиционно реалистических,

фольклорно-романтических и новых синтетических жанров прозы. Яркими представителями времени последовательно стали в 1960-1970-е гг. - А. Евтых с его гуманистической идеей и художественной выразительностью; в 1980-1990-е — Н. Куек, Р. Нехай, С. Панеш, Х. Теучеж, Ю. Чуяко, поэты и прозаики нового поколения 90 – 2000 годов.

Литература этого периода отличается «движением к социально-конкретному человеку, изображаемому психологически всесторонне» [1: 244], а «углубление проблемности, вызванное потребностью более полного и разностороннего изображения современника, приводит адыгских писателей к активным жанрово-структурным поискам» [2: 153]. Сказанное находит эстетическое выражение не только в показе крупных характеров, созданных эпическими средствами в романских рамках (А. Евтых, Т. Керашев, Д. Костанов, И. Машбаш, Ю. Тлюстен), но и в субъективно-повествовательных формах повести и рассказа (Х. Ашинов, А. Евтых, П. Кошубаев, С. Панеш, Ю. Чуяко), зачастую синтезирующих разные структурно-стилевые начала.

В «малой» и большой прозе Ю. Чуяко отразилось все жизненное многообразие современного адыгского общества, и в то же время писатель обращается к военной и исторической тематике. Особенность художественного почерка писателя просматривается в многозвучности его произведений, где сквозная мелодия – лирическая или философская идея – наполняется всеми звуками полнозвучной живой жизни. Это чувствуется даже в названиях сборников рассказов и повестей: «Мелодия далеких гор», «История одной любви», «Млечный путь», «Кинжал танцора», «Сказание о Железном Волке» и др.

Знаменитая «дебютная» новелла «Вернись, Титу, верни-ись!» посвящена матери, ожидающей десятки лет не вернувшегося с войны сына. Грустная, пронзительная новелла. И, вместе с тем, нрав-

ственный урок нам, сегодняшним поколениям, и не только урок памяти о погибших, но и привязанности к природе, труду на родной земле, ее красоте.

Авторский лиризм в рассказах Юну-са Чуяко - ласковый, проникновенный, бережный к самому человеку: и старому, и молодому, и к его труду («Незаконченный плетень», «Старая песня», «Мелодия далеких гор», «Хлебец как солнышко», «Золотой апельсин»). А его рассказы о любви искренни, но эмоционально сдержанны. В них мало радости, больше грусти, подчиненной мужскому, гордому достоинству.

Безусловно, было бы правильно расположить рассказы и новеллы в хронологии их написания (или публикации) и увидеть в них преемственность тем, мотивов, в центре которых идея отказа от того, что казалось дорогим и кровным, и рождение новых привязанностей. Связующее нравственное чувство – верность: памяти, родству, любви, молодым надеждам.

За последние годы в творчестве Ю. Чуяко проявились черты автобиографизма, полемичности; писатель обращается к жанрам политической публицистики, литературных споров и размышлений об этике современной жизни, публикуемых в республиканских газетах и журналах.

Явлением в литературной жизни Адыгеи стало появление новой повести Ю. Чуяко «Последний лай старого Выжлеца». Герои произведения - гонимый пес по имени Бруно, его хозяин (бысым), брат его жены Гусарук, дедушка Былау и сам рассказчик. Время действия – война, ее первый период, особенно драматический, период отступлений советских войск и оккупации Северного Кавказа. В основе сюжета проблема, связанная с моральным выбором одного из адыгов. Солдат Гусарук не ушел с отступающей советской армией, спрятался в подвале заброшенного здания на краю аула. То, что с ним случилось потом, и состав-

вило трагическую историю Гусарука - дезертира, «труса» (как прозвали его впоследствии некоторые аульчане).

Сюжет не нов, типичен для жизни и российской литературы военных и послевоенных лет («Живи и помни» В. Распутина, «Сотников» В. Быкова), не нова и история собаки в ее взаимоотношениях с человеком. Эта тема не раз привлекала внимание русской классики (А. Чехов, Л. Андреев, А. Куприн) и адыгейских писателей. При чтении повести Ю. Чуяко вспоминается «Арктур – гончий пес» Ю. Казакова, новеллы А. Кушу «Гончарный круг», «Белый Бим, Черное ухо» Т. Троепольского.

Традиция родства души, человеческого тепла и собачьей преданности есть в общероссийской прозе и, тем не менее, Ю. Чуяко взялся за эту тему, избежав банальностей и повторений. Его герои живут и страдают в жестокое военное время, требующее от человека полнокровных чувств и максимализма в моральных требованиях. Не все вписывается в это время и главный урок трагической повести Ю. Чуяко – невозможность одномерной оценки человека даже с позиций высокой морали. Солдат Гусарук не ушел со своими, но не пошел и к врагам, он спрятался: Кто он – трус? Предатель?

Гончий пес, выжлец Бруно, доверился человеку, внял доброму призыву и погиб от его руки. Старый пес распознавал врагов в животном мире, а в человеческом привык доверять близким людям. Именно близкий, изнуренный голодом Гусарук пролил кровь, а потом удавил верного Бруно, который полз ему на помощь. Инстинкт выживания может поставить человека ниже животного? И здесь автор не замахивается на строгий суд над человеком. Мнения родственников, аульчан, самого рассказчика не сливаются в один хор осуждающих голосов. Их перекрывает чувство сострадания, и оно поддерживается новеллой о собаке внутри повести.

Сделана новелла очень искусно. Невозможно оторваться от истории Бруно,

изображения его последних дней и трагизма последнего часа. Трудно обратиться к утешительной мысли, что переживания, думы собаки – всего лишь авторская несобственно-прямая речь и вся история – грустная быль на тему нартской гурии-предсказательницы Бэдэх-дахэ. Образ старого выжлеца увенчивается его печально-поэтическим изображением – летящим в своем последнем беге. «И только Создатель мог услышать его безмолвный лай и быть свидетелем этого последнего его гона без начала и конца, длиною поистине в тысячу лет – и неважно, за кем, за какую неведомой дичью, важен сам этот бег, ради которого только и стоило жить...». Таково завершение новеллы и всей повести, повести о трагичности и в то же время счастье жить. Жизнь бесконечна и тем радостна вопреки всему. На эту высоту миропонимания поднимают читателя автор и его переводчик А. Серебряков. В биографии адыгейского рассказа создание произведений такой оглушающей художественной силы – отнюдь не частое явление, но и не единичное.

Подводя главные итоги развития адыгейской литературы в 80-90-е годы XX века, К. Шаззо отметил, что на фоне достаточно прочных тенденций «освоения проблем и конфликтов времени в рамках традиционной эстетики реализма» в литературе «определились духовно-эстетические направления, которые ныне предпочтительнее и плодотворнее влияют на восприятие более молодого поколения писателей» [3: 387].

Начало этому направлению было положено, прежде всего, в поэзии творчеством Н. Куека и М. Емиж, всё оригинальнее обнаруживающих авангардистские традиции, «вновь обретшие в русской литературе особую популярность в последней четверти XX века» [2: 388], и постмодернистские, появившиеся в конце XX века.

Эти традиции проявились в адыгейской поэзии и прозе через совершен-

но новые формы освоения и осмысления национального устно-поэтического творчества, особенно его мифопоэтических и гипероло-метафорической характеристик [3: 388].

Литературоведческое осмысление К. Шаззо, К. Паранук, Р. Мамием, Ф. Хуако лирики и прозы Н. Куека имеет ряд существенных достижений в области теоретизации сложнейшей системы художественного мира писателя - поэтики, мифологии, мировоззренческих концепций, направленных на выявление духовной сути человека.

Последние десятилетия отмечены созданием «нового эпоса адыгов» - повесть «Черная гора», роман «Вино мертвых», поэма «Иду к человеку», «Дожди, которые не идут». С точки зрения соотношения большого и малого эпоса в рамках одного произведения, «Вино мертвых» является, по определению самого автора, «романом в новеллах». Объединяющее их начало – судьба и история адыгского народа на протяжении всех веков существования на земле. Содержание каждой из 15 новелл - определенная веха из этой истории (с древних времен до мирного послевоенного времени). Род Хаткоесов как бы отражает в своей истории период жизни адыгского народа как этноса (его культуру, духовное мироощущение, мораль). С движением романного времени меняется стилистическая окрашенность образов, новелл – от мифопоэтической до реалистической. Параллельно с историей Хаткоесов идут новеллы о культуре и традициях адыгов. Среди них выделяется блистательная новелла «Танец Мешвеза» - рисующая апофеоз танца как полета души человека, рожденного не для забвения, а для вечности. Первая и последняя новеллы являются своеобразной идейно-философской рамкой всего произведения. Сквозь ткань всех новелл проводятся два начала - созидательное и разрушительное. Их сочетанием в жизни персонажей определяются судьбы геро-

ев из рода Хаткоесов. Последние новеллы «Он, этот бог, сотворен Хаткоесами» и «Так и будет» замыкают кольцевую композицию романа, завершая целостность идейно-художественного единства. «Эта позиция соответствует универсальному мифологическому мировоззрению, основанному на единстве макро- и микрокосмоса» [4: 101].

Философские размышления Н. Куека о Боге и человеке составляют плоть духовно-нравственной атмосферы всей прозы писателя и становятся высокой традицией, которой пытаются следовать многие из современных не только адыгейских, но и северокавказских писателей.

Эта тенденция освоения проблем и конфликтов времени в нетрадиционных рамках обнаруживает себя и в творческих исканиях С. Гутовой, Ш. Куева, Ф. Мамруковой, М. Тлехаса, Х. Хурума, С. Хунаговой и других.

Ш. Куев, начав писательскую деятельность как поэт, впоследствии обращается к прозе, проявив себя и в жанре юмористического рассказа. Так, еще в 1988 г. были опубликованы пронизанные мягким юмором рассказы «Еджэрыкъуае зэхэплэжь» («Егерухайские разборки») и «Егъэлыегъэ сэмэркъоу» («Чрезмерная шутка»). Особенность некоторых рассказов в их лиризме и поэтичности. Например, в рассказе «Зы чэщ игупшыс» («Ночные размышления», 1990г.) прозаическое изложение мысли поэта иногда переходит в стихотворное. И вообще прозаический лад языка автора, даже не ритмизованный, превращает рассказ в стихотворение в прозе благодаря поэтическому углу зрения, ассоциативности авторского мышления, его философичности. Ярко выраженный национальный характер лирического героя, современный образ мыслей, общезначимость волнующих его жизненных проблем делают прозу Ш. Куева, как и поэзию, «заметным явлением современной адыгейской литературы» [5: 384].

Во многих рассказах данного пери-

ода прослеживается сходство с народными сказаниями – по изложению сюжетного материала, по строю мысли, по стилю «рассказывания» о событии, очень важном для автора, или о человеке, для него дорогим. Так, у Розы Паранук героями являются исключительно женщины, «автор не пытается как-то приукрасить», «оухудожествить» судьбу человека, наоборот, стремительными событиями ведет фабулу для того, чтобы показать конечный, итоговый вариант рассказа. В результате – не рассказ, не очерк, а нечто, напоминающее каркас, фабулу, конспект небольших, сжатых романов. Эта особенность присуща в какой-то степени многим рассказам Н. Гучетля, Т. Ката, прозе Н. Хунаговой и вообще характерна для современной адыгейской литературы с ее аналитичностью и тонкостью наблюдений.

Интересны творческие поиски С. Гутовой и Ш. Ергук-Шаззо. В 2004 г. вышла книга С. Гутовой «Ш1эныгъэ шьэф» («Тайное знание»), состоящая из прозаических произведений, отнесенных автором к жанру повести. К. Шаззо относит созданный С. Гутовой текст к жанру травести, позволяющему в свободной форме излагать свое толкование известных произведений, осовременивая их идеи [3: 412]. От классического травести «повести» С. Гутовой отличаются отсутствием иронии, даже юмора. Адаптированная к адыгейской поэтике жанровая форма раздвигает привычные рамки классического произведения, придавая ему новизну национального колорита.

Очень интересны по глубине философской мысли и яркой изобразительности прозаические миниатюры Шамсет Ергук-Шаззо «Горная вершина», «Дождь не пошел», «Один день» и другие. Притчи «Горное яблоко» или «Цветок» содер-

жат в себе «народную мудрость, отлаженную в веках, совершенную и плотную по мысли, разнообразную и богатую по ее проявлению. Произведение строится как маленький рассказ с сюжетом, событиями, людскими характерами» [3: 428]. Его философская идея организует структуру произведения, в которой зачастую обозначаются два стилевых начала – эпическая традиция адыгейского фольклора и восточная традиция глубинно скрытой вечной истины, обнажаемой в притче, разыгрываемой природными образами солнца, грома, молнии, цветов, деревьев. Гуманистическая культура мышления, проявляемая в картинно-осязаемых символических образах, составляет одну из сторон новаторского художественного почерка Ш. Ергук-Шаззо и в поэзии, и в прозе.

Таким образом, молодое поколение литераторов периода 1980-2000-х годов, согласно утверждению К. Шаззо, отличается высоким уровнем художественного мышления, возможностью «выйти к мировым, общечеловеческим проблемам и решать их в соответствии с требованиями дня... с вызовами времени» [3: 480]. Творческие поиски адыгейских писателей нового времени развиваются в двух направлениях: с одной стороны, «в традиционно-объективных своих измерениях», с другой – намечается «увеличение динамизма в мышлении». Осуществляемое, возможно, за счет снижения шкалы духовно-нравственных ориентиров.

«В целом в современной литературе идет серьезный выбор художественно-эстетических ориентиров» [3: 480]. С этим выводом нельзя не согласиться, хотя при этом очевидно, что современная литература – это новая ступень, на которую поднимается адыгейская культура сегодня.

Примечания:

1. Зелинский К. Путь к человеку // Дружба народов. 1956. № 4.
2. Панеш У. Особенности формирования «литературы на современном этапе» // Литература изменяющегося мира. Майкоп, 2007.
3. Шаззо К.Г. Творческие искания адыгейских писателей поколения 1980-2000-х годов // История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 3. Майкоп, 2006.
4. Паранук К.Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгейском романе. Майкоп: Качество, 2006.
5. Схалыхо Д.С. Шхамбий Куев // История адыгейской литературы: в 3 т. Т. 3. Майкоп, 2006.